

Розин В. М.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КНИГИ З. БАУМАНА «АКТУАЛЬНОСТЬ ХОЛОКОСТА»

Аннотация. В статье анализируется книга З. Баумана «Актуальность холокоста». Реконструируются четыре основные задачи, которые решает автор книги (дать научное объяснение холокоста, привлечь общество и социологов к новому осмыслению этого страшного явления, осуществить критику социологических методов, сформулировать уроки холокоста). Обсуждается подход Баумана к решению этих задач: он мыслит не только как ученый, но и философ и методолог, а также публицист. Разбираются «находки» Баумана в ходе решения указанных задач: сочетание разных методов изучения (исторического, гуманитарного, социологического, культурологического, социально-психологического, институционального), анализ влияния социальных машин на сознание и поступки индивидов, реализация технологического (социально-инженерного) подхода, разведение двух антропологических горизонтов — социального и личностного. В ходе анализа были задействованы методы сравнительного анализа, методологическая проблематизация, реконструкция текста книги, осмысление и обобщение. Складывается впечатление, что Бауман использует холокост скорее как материал для поиска новых способов изучения социальных явлений. Кроме того, он показывает, что главными причинами холокоста выступили: необычное стечение обстоятельств, европейская традиция антисемитизма, реализации фашистским государством расовой теории, социально-инженерный подход к обществу и человеку, трансформация сознания отдельных индивидов и масс под влиянием хорошо отлаженной социальной технологии. **Ключевые слова:** Общество, холокост, социальная инженерия, технология, государство, мораль, нравственность, сопротивление, массы, личность.

Хотя книга вышла четыре года тому назад, прочел я ее только сейчас. В прошлом году методолог Людмила Карнозова пригласила меня на свой семинар в Институт «Государства и права», где обсуждается эта работа всемирно известного английского

социолога Зигмунта Баумана, польского происхождения и еврея. Прочтя «Актуальность холокоста», я понял, почему эта книга столь популярна в научных и общественных кругах и среди думающей интеллигенции; она, действительно, оказалась настолько интересной,

что мне стало понятно, почему ее обсуждают на методологическом семинаре уже больше года. Мало того, что Бауман дает одно из лучших научных объяснений холокоста, его работа ставит много совершенно актуальных проблем и вопросов, заставляющих социологов пересматривать отношение не только к этому страшному явлению, но также к своей науке; кроме того, в этой замечательной книге мы открываем для себя новую реальность, которую, вероятно, в той или иной мере могут положить в свое основание и другие социальные науки, а не только социология.

Но тогда какие задачи ставлю я, имея дело со столь интересной и совершенной работой? Позиционируя себя как философа и методолога, хочу, во-первых, артикулировать и отчасти проблематизировать подход и способы мышления Баумана, во-вторых, обсудить особенности реальности, на которые он указывает. На мой взгляд, именно методология должна рефлексировать и осмысливать мышление ученого, а философия кроме того еще и конституировать новую реальность, обсуждая и характеризуя ее категориально. Хотя Бауман, вероятно, считает себя социологом, в своих исследованиях, и эта в данном случае не исключение, он обращается и к другим научным дисциплинам — истории, социальной психологии, культурологии, философии техники, аксиологии. В этом отношении его работа вполне может быть отнесена к междисциплинарным исследованиям. Реализуя распространенный социологический подход, предполагающий объективный анализ причин, факторов и процессов, и в этом плане тяготеющий к естественнонаучному дискурсу, Бауман одновременно мыслит вполне гуманитарно, хотя неясно из данной работы осознает ли он это обстоятельство.

Здесь, правда, стоит объяснить, что автор (Розин) понимает под гуманитарным подходом. Мои исследования показывают, что важны, по меньшей мере, три момента. Гуманитарий начинает свое движение с осмысления и артикуляции экзистенциальной ситуации, в которой он оказался; именно ее гуманитарий и пытается разрешить, опираясь на научное исследование. Он рассматривает

предмет своей мысли двояко: как объект изучения и как субъекта, с которым он вступает в различные отношения. Как говорил М. Бахтин, предметом гуманитарного подхода выступают два духа, изучаемый и изучающий, диалогическое взаимодействие духов, а также, что нужно предоставить голос изучаемому субъекту, а не рассматривать его только как объект. Наконец, особенностью гуманитарного дискурса является взаимообусловленное движение в двух эпистемических плоскостях: на одной изучаемый трактуется как объект, которому исследователь приписывает вполне определенные характеристики, позволяющие непротиворечиво мыслить и вести строгое научное объяснение, на другой — гуманитарий вступает в диалогические отношения с изучающим (предоставляет ему голос, выслушивает, задает вопросы, старается понять его поступки и прочее) ^[1].

Так вот и для Баумана исследование холокоста было вызвано не абстрактной проблемой или простым научным интересом, а личной экзистенциальной ситуацией, причем двоякого типа: как такое может быть, что развитый европейский народ уничтожил миллионы евреев, и не только — десятки тысяч собственных «неполноценных сограждан», цыган, славян¹, а также, не повторится ли холокост снова, вроде бы для этого в современности есть все условия. Эта ситуация для Баумана была и личной (как для еврея и гуманиста) и так сказать социальной, и опять-таки двоякой: почему это социология, представителем которой он себя считает, не хочет или не в состоянии адекватно осмыслить холокост и каким образом может развиваться современное общество, если

¹ Бауман пишет, что «холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры, Самозаживание исторической памяти, которое происходит в сознании современного общества, по этой самой причине гораздо больше, чем просто оскорбление жертв геноцида. Это еще и знак опасной и самоубийственной слепоты» ^[2, с.10].

может повториться (не обязательно относительно евреев) что-то похожее на холокост, и что нужно сделать, чтобы новый холокост не случился.

И в отношении изучения, скажем тех же немцев или антисемитов, подход Баумана вполне гуманитарный. Он им предоставляет голос (цитируя их высказывания или восстанавливая их убеждения), выслушивает, старается понять, что вовсе не предполагает согласие. Как-то Марина Цветаева сказала, что от подлинного понимания до принятия всего один шаг, а часто и того нет — глубокое понимание явления и есть принятие его. Отчасти это верно, но только отчасти: ведь по-человечески понять насильника или убийцу невозможно, однако, мы в исследовании можем мысленно поставить себя на их место и понять в смысле формального объяснения их поступков.

Наконец, объективное исследование Холокоста и диалогическое общение Баумана со своими персонажами не разделено китайской стеной, напротив, одно обуславливает другое.

Пожалуй, стоит отметить еще один план в подходе Баумана, а именно установку при объяснении холокоста на анализ практик и технологий. Это и понятно, учитывая, что Бауман хочет выйти на такие представления, которые бы позволили изменить ситуацию, сделать подобные социальные катастрофы невозможными. В качестве центральных практик он указывает на политику и социальную инженерию и много обсуждает социальные технологии, позволившие осуществить холокост. Но как соотносятся между собой социальная инженерия, политика и технологии из книги неясно. Рассмотрим теперь, какие задачи в своей книге ставит Бауман, и решил ли он их.

Анализ работы позволяет выделить четыре основные задачи, которые поставил перед собой и решает Бауман. На две из них мы уже фактически указали: *дать научное объяснение холокосту и осуществить критику социологии* в плане ее подхода и методов исследования, которые препятствуют пониманию этого страшного явления. Кроме того, Бауман многократно говорит, что общество

должно извлечь «уроки из холокоста», т.е. *выявление этих уроков* — третья задача¹. Четвертой выступает своего рода политическая задача — *обратить внимание ученых и общественности на предельную актуальность холокоста*, который в той или иной форме может повториться².

Подумаем сначала над третьей задачей — сформулировать уроки холокоста. С одной стороны, речь идет об объяснении, и в этом отношении она близка к первой задаче, только научное объяснение в данном случае предполагает прагматическое истолкование. С другой стороны, уроки должны быть представлены таким образом, чтобы на их основе можно было сказать, что же надо делать для блокирования явлений типа холокоста, чтобы они больше не повторились. Мы увидим, что первый аспект третьей задачи Бауман разрешает вполне удовлетворительно, а второй — значительно слабее, здесь есть серьезная проблема. Но будем двигаться последовательно.

Бауман показывает, что холокост можно объяснить, анализируя ряд моментов.

¹ Один из уроков Бауман видит в трансформации нравственности человека, попавшего в социальную машину фашизма. «Нынешнее значение холокоста заключено в уроке, который он содержит для всего человечества. Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения» [3, с.243]. Другие уроки холокоста, по Бауману, мы рассмотрим дальше.

² «Данное исследование, — пишет Бауман, — замысливалось как небольшой и скромный вклад в то, что в сложившихся условиях представляется давно назревшей задачей громадной культурной и политической важности; задачей по переводу социологических, психологических и политических уроков холокоста в самосознание и институциональную практику современного общества... В большей степени данное исследование имеет отношение к пересмотру различных и достаточно важных областей социальных наук (и, возможно, социальных практик), который оказался необходимым с точки зрения процессов, тенденций и скрытого потенциала, обнаруживших себя в ходе холокоста» [4, с.13].

• Уникальное стечение ряда обстоятельств. Евреи, приходя на территорию национального государства, не ассимилировались в ее культуре; использовались властями для решения ряда задач, вызывающих у коренного населения протесты, в результате чего сложилась традиция и практика антисемитизма. Приход к власти в Германии фашистов и сосредоточение управления государством и обществом в руках одного человека. Исповедование Гитлером концепции «окончательного решения еврейского вопроса, как необходимого условия развития третьего рейха». Наличие в Германии отлаженной государственной машины и бюрократии¹.

• Принятие в качестве доминирующей концепции создания идеального расового общества и государства, не допускающего чужеродных антропологических сред².

• Подавление общества государством, управляемым пассионарной фашистской элитой³.

• Слабость («недоразвитость») немецкой демократии, как следствие она и не смо-

гла противостоять государству и контролировать его⁴.

• Создание эффективной социальной машины и институтов подавления и уничтожения евреев и других нежелательных элементов⁵.

¹ Бауман пишет, что «только сочетание факторов является необычным и уникальным, а не сами факторы. По отдельности каждый фактор является вполне обычным и нормальным» [5, с.118].

² «Расизм отличается порядком, частью которого он является и который находит ему рациональное объяснение: порядок, сочетающий стратегии архитектуры и садоводства с медицинскими стратегиями — посредством создания искусственного общественного строя, уничтожения элементов современной действительности, которые не вписываются в идеальный образ реальности и никогда не впишутся, так как не поддаются изменению» [6, с.86].

³ «Я, — пишет Бауман, — пришел к выводу, что холокост стал итогом уникального столкновения факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными; и что вину за такое столкновение в значительной степени следует возложить на освободившееся от общественного контроля политическое государство с его монополией на средства насилия и его дерзкой инженерией, завершивших демонтаж всех неполитических ресурсов власти и институтов общественного самоуправления». «Можно предположить, что в недалеком будущем вполне могут возникнуть ситуации, когда государству придется взять в свои руки социальное управление обществом — и тогда укоренившаяся и проверенная временем расистская позиция может снова пригодиться» [7, с.14, 104].

⁴ «Если мы теперь зададимся вопросом, каков же был «первородный грех», позволивший случиться всему этому, то, похоже, наиболее убедительным ответом будет коллапс (или недоразвитость) демократии. В отсутствие традиционных авторитетов и ценностей политическая демократия — единственное, что может предохранить политику от экстремистских крайностей. Но демократия не может возникнуть в одночасье, еще больше времени ей требуется на то, чтобы прижиться и пустить корни, когда влияние бывших ценностей и системы контроля разрушено — особенно если все это было разрушено с излишней поспешностью. Подобные положения «междоусобицы» и нестабильности обычно имеют место во время и после масштабных перемен, когда старые основания социальной власти оказываются парализованными, а те, что должны прийти им на смену, пока недостаточно оформлены — в результате чего создается такое положение вещей, при котором различные политические и военные силы не служат друг другу противовесом и никак не ограничены мощными и влиятельными социальными силами» [8, с.138].

⁵ «Современные условия делают возможным появление «изобретательного» государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование. Что еще более важно: современные условия обеспечивают необходимый «материал» для такого управления и администрирования. Современная эпоха, как мы помним, это время искусственного порядка и грандиозных социальных «дизайн-проектов», время плановиков, визионеров и — в более общем плане — культивирующих нечто «садовников», воспринимающих общество как целинную землю, которая должна культивироваться в соответствии с их планами». «Два самых известных и страшных случая современного геноцида (фашизм и коммунизм) не изменили духу современности... Они породили огромный и мощный арсенал технологий и организаторского искусства. Они произвели на свет институты, которые служат одной-единственной цели — смоделировать поведение человека до такой степени, что он будет продуктивно и энергично преследовать любую цель, причем независимо от того, получил ли он идеологическое обоснование или моральное одобрение со стороны тех, кто поставил перед ним эту цель. Эти мечты и усилия узаконивают монополию правителей на конечные результаты, а управляемым отводят роль средства. Они определяют большинство действий как средства, а средства должны подчиняться конечной цели — тем, кто ее поставил, высшей воле, высшему знанию» [9, с.140, 117].

• Перерождение личности и нравственности немцев, живущих в социальных условиях третьего рейха¹.

Вполне убедительна и критика Бауманом современной социологии. Она сводится, во-первых, к показу того, что социология фактически игнорирует значение и уроки холокоста, во-вторых, что многие традиционные социологические объяснения, например, понимание общества или человека не работают при объяснении этого явления, в-третьих, что социология уклоняется от серьезного пересмотра своего подхода и методов, в-четвертых, объясняет холокост в привычном рациональном дискурсе, не позволяющим понять это явление. Например, социологи не в состоянии объяснить тот факт, что некоторые люди, тоже находящиеся под контролем и воздействием социальной машины фашистского государства, тем не менее, сопротивлялись общей тенденции и пытались защитить евреев². По сути, Бауман выходит на новое

понимание поведения человека, когда оно кардинально меняется в условиях социальных воздействий, а также различие социального индивида, принимающего социальные нормы, вменяемые государством, и действующего в соответствии с ними, и человека, как бы сказал В. С. Библер, «преодолевающего социальную и культурную обусловленность», т.е. фактически «личности». Однако у Баумана нет понятия «личность» в его теории, хотя он, конечно, пишет о личности.

Безусловно, практически безукоризненно решена четвертая задача (*обратить внимание ученых и общественности на предельную актуальность холокоста*, который в той или иной форме может повториться), причем здесь Бауман демонстрирует не только талант ученого и философа, но и яркого публициста и гуманиста.

А вот относительно третьей задачи, имеющей, как отмечалось, две стороны, ситуация сложнее. Да, Бауман сформулировал уроки холокоста: перерождение нравственности в условиях слабости демократии и фашистского правления, сосредоточение всей государственной власти в руках одного человека, подавление государством общества, опасность утопических принимаемых правящей элитой картин и концепций. Но вот какой выход из этой сложной ситуации и действительности он предлагает? Развитие демократии, блокирование утопических картин, контроль за государством, подавление элит, преследующих опасные для общества и человека цели, создание новых альтернативных социальных институтов, не допускающих все указанные реалии?³ Нет, Бауман понимает, что у общества в настоящее время нет средств, чтобы из-

¹ «Готовность к действию вопреки своему собственному суждению и вопреки голосу совести — не просто следствие исходящего от власти приказа, но результат воздействия целенаправленного, недвусмысленного и монопольного источника власти. Такая готовность, вероятнее всего, появляется внутри организации, не допускающей оппозиции, не терпящей автономии, и в которой линейная иерархия субординации не знает исключения... Такая организация, однако, скорее всего, эффективна при одном или двух условиях. Она может надежно изолировать своих членов от остального общества, когда она получила или захватила контроль над жизнедеятельностью и нуждами большинства или всех членов (приближаясь тем самым к модели тотальных институтов Гоффмана), чтобы исключить возможность влияния конкурирующих источников власти. Или же она может быть просто одной из ветвей тоталитарного или квазитоталитарного государства, превращающего все свои ведомства в зеркальное отражение друг друга» [10, с.196].

² «После холокоста правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы» [11, с.210].

³ Опыты Милгрэма, отмечает Бауман, показали, что «плюрализм — наилучшее профилактическое средство для морально нормальных людей, вовлеченных в ненормальные действия. Должно быть, вначале нацисты разрушили остатки политического плюрализма, чтобы начать проекты наподобие холокоста, в которых, среди прочих необходимых — и доступных — ресурсов, они рассчитывали и на ожидаемую готовность обычных людей к аморальным и бесчеловечным действиям... Голос индивидуальной совести лучше слышен в шуме политических и социальных разногласий» [12, с.197].

менить все перечисленное, что он описал нормальные социальные процессы и структуры, которые постоянно воспроизводятся, причем иногда и в таких предельных формах, которые приводят к холокосту или сходным с ним явлениям¹. Понимая это, Бауман и не дает таких рекомендаций. Но на что все же общество и сам Бауман могут воздействовать, влиять? На сознание отдельного человека, а посредством его, вероятно, но значительно меньше, на общество. Поэтому именно к личности и обращения Бауманом рекомендации, «что делать»².

Ну, конечно, это правильно, ведь, в конце концов, даже тиран является человеком, да и люди в толпе могут быть личностями; если люди не изменят своего поведения, то ничто не изменится. Но можно ли такое решение считать удовлетворительным? Да, отдельные индивиды, по сути, одиночки, сопротивлялись и шли против потока, но разве речь идет о них? Нет, решение должно быть такое, которое позволяет воздействовать на многих, на обычных граждан, на массу, представители

¹ «Мы уже знаем, что ответственные за холокост институты, даже если считать их преступными, нельзя рассматривать как ненормальные или патологические в социологическом смысле. Теперь мы понимаем, что люди, чьи действия они направляли, не выходили за рамки установленных стандартов нормального поведения. Поэтому нам не остается ничего другого, как, вооружившись нашим новым знанием, вновь присмотреться к якобы нормальным образцам современного рационального действия» [13, с.243].

² Второй урок, — пишет в заключении Бауман, — говорит нам, что возвышение самосохранения над моральным долгом отнюдь не предрешено, не неминуемо и не неизбежно. Можно принуждать к такому выбору, но нельзя заставить его сделать, и поэтому нельзя переложить ответственность за содеянное на тех, кто оказал давление. Неважно, сколько людей предпочли моральный долг рациональности самосохранения — важно то, что некоторые сделали это. Зло не всемогуще. Ему можно сопротивляться. Свидетельство тех немногих, кто действительно воспротивился, разбивает власть логики самосохранения. Оно показывает, в чем, в конце концов, дело — в выборе. Интересно, сколько же людей должно возмутиться подобной логикой, чтобы сделать зло беспомощным? Существует ли волшебный порог сопротивления, за которым технология зла останавливается?» [14, с.243].

которой, вроде бы имея совесть, перестают ей следовать. Именно эта основная категория людей, подвержена пропаганде, подчиняется логике и требованиям социальных институтов, далека от героизма и способности к сопротивлению.

Однако, что значит воздействовать с целью изменения? Возможно два понимания. Первое, воздействие представляет собой социально инженерное действие, второе — оно скорее носит гуманитарный характер — анализ, убеждение, разъяснение, показ следствий и прочее. В первом случае нужно выявить *социальные механизмы холокоста и условия*, в которых они действуют; понятно, что в настоящее время сделать это очень трудно, если возможно вообще. В лучшем случае Бауман выявляет и описывает отдельные звенья этого сложного социального механизма, что, впрочем, не так уж мало. Во втором случае воздействие можно трактовать как построение различных схем и вменение их гражданам (индивидам) [15]. Именно схемы при эффективном их вменении (СМИ, пропаганда, пиар) позволяют менять сознание и поведение: человек начинает видеть новую реальность, понимать, что происходит «на самом деле», иначе действовать³. Если говорить об этом втором случае, то, безусловно, воздействие книги Баумана очень большое. На основе исследования холокоста, который он провел, можно построить много различных схем, которые можно использовать (и, вероятно, уже частично используются) в политике, социальной науке, образовании, СМИ и ряде других областей.

³ Современный конфликт на Украине ярко это демонстрирует, причем с обеих сторон (так называемая информационная война). Российские СМИ и власти вменяют нашим гражданам схемы, по которым на Украине произошел незаконный переворот, украинские партии большей частью фашистские, Порошенко на востоке осуществляет геноцид, повстанцы в Донецке и Луганске защищают свое право на свободу и жизнь, российские добровольцы безвозмездно помогают им, а Россия в конфликте никак не участвует. Со своей стороны, украинские СМИ и власти транслируют и вменяют другие схемы: не переворот, а народная революция, ликвидировавшая коррупционный режим, не фашисты, а свободные строители новой жизни, не геноцид, а законная борьба с предателями и террористами, не добровольцы, а вмешательство России.

Тем не менее, нетрудно заметить, что схемы в книге Баумана слабо между собой связаны. Одни исследования, например, трансформация сознания и совести человека в тоталитарных социальных институтах или некоторые особенности фашистской бюрократии, выполнены достаточно обстоятельно, а другие, скажем, исторические предпосылки, незрелость немецкой демократии, сосредоточение всей власти в руках одного человека, только намечены. Кроме того, не ставится вопрос о связи между собой разных исследований (разных сторон и составляющих этого феномена). С одной стороны, схемы вполне могут быть не соотнесены между собой, поскольку их создают, разрешая отдельные проблемы, поставленные и интересующие Баумана, которые к тому же, как я сказал, разработаны в разной степени глубины, а некоторые только намечены. С другой стороны, стремление понять холокост в целом и выйти на рекомендации, позволяющие снизить риск повторения подобных страшных явлений, заставляет ставить вопрос о связи между собой разных исследований и схем.

Тем не менее, Бауман такого вопроса не задает. Возможно потому, что у него нет методологии изучения подобных сложных явлений как целостных культурно-исторических феноменов. Реализованный в «Капитале» Маркса метод реконструкции, как показывает, А. А. Зиновьев, можно считать первым вариантом такой методологии. Зиновьев называет ее «восхождение от абстрактного к конкретному». Потом эта методология разрабатывалась в Московском методологическом кружке. Два конкретных варианта этой методологии «псевдогенетический анализ» и «культурно-историческая реконструкция» обсуждались мною и использовались при реконструкции феноменов любви, техники, права, науки и философии. Как я показываю, в рамках этих вариантов схемы строятся по определенной логике и связываются между собой. Данный подход можно назвать «анализом распределенного целого». Например, при анализе происхождения античной философии и науки я выделил и задал в схемах следующие стороны

античной культуры, рассматриваемой мною как распределенное целое: *становящаяся античная личность, социальные практики, обеспечивающие ее существование (новое судопроизводство, искусство, платоническая любовь, познание), формирования философии*. В реконструкции они истолковывались как определяющие друг друга в ходе становления античной культуры. Соответственно вводились гипотезы о связи этих сторон, которые позволяли строить согласованные между собой схемы^[16, 17].

Большое место в книге Баумана уделено показу того, что процессы, имевшие место в фашистской Германии, нельзя считать патологическими и необычными, они вполне нормальные, необычно было только их сочетание и предельные состояния¹. Этот вывод, безусловно, правильный и очень важный. И все же можно поставить такой вопрос: а что социальные процессы и структуры (различные институты, общество, сообщества, государство), которые анализирует Бауман, они что с тех пор не изменились? Если «нет», то выводы Баумана сохраняют свою силу и в настоящее время, если «да», то исследование нужно проводить заново. Работы других социологов и самого Баумана заставляют остановиться на втором варианте. Действительно, мы живем во время кризиса цивилизации и перехода, причем пока неизвестно куда, как сказала Светлана Неретина, «старая реальность уходит, а новая еще не опознана». Процессы глобализации буквально перекраивают мир и раскрывают границы национальных государств. Бурное развитие современных технологий подрывают устоявшиеся социальные нормы и целые

¹ «Мыслительные процессы, которые по своей собственной внутренней логике могут привести к проектам геноцида, и технические ресурсы, позволяющие осуществление таких проектов, как оказалось, не только полностью совместимы с современной цивилизацией, но также обусловлены, созданы и обеспечены ею. Холокост не просто не избежал столкновения с социальными нормами и институтами современности. Именно эти нормы и институты сделали холокост реальным. Без современной цивилизации и ее важнейших ключевых достижений не было бы холокоста»^[18, с.111].

институты, в результате они трансформируются¹.

Кстати, одно из достоинств исследования Баумана — реализация некоторых идей философии техники, в первую очередь, представлений о социальной инженерии и социальной технологии. При этом Бауман намечает важную схему, правда, заданную не понятийно, а эмпирически. Он показывает, что на первом этапе элита, захватившая власть, посылает обществу нужный для этой власти месседж; конкретно, фашисты вменяли немцам представления, по которым евреи — источник всех зол и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей². Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления месседжа *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные

типы)³, *увольнение служащих и экспроприация коммерческих компаний, концентрация* (дистанцирование от общества и помещение в лагерь смерти), *эксплуатация труда и голодомор, уничтожение*. К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других). Можно предположить, что эти три этапа (разработки и вменения месседжей, создания технологии и типологий, формирования институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях. Из работы Баумана можно извлечь еще две характеристики, проясняющие особенности социальной технологии, причем не только фашистского государства.

«Современный геноцид, — пишет он, — является элементом социальной инженерии, призванной построить социальный порядок, соответствующий структуре идеального общества.

Для инициаторов и руководителей современного геноцида общество служит предметом плановой и осознанной разработки. Можно и нужно максимально совершенствовать общество, а не только менять лишь отдельные элементы из многих, улучшать его лишь местами, исцелять лишь некоторые из его тяжелых заболеваний. Можно и нужно ставить перед собой более амбициозные и радикальные

¹ «Технологии и конечное использование, — отмечает патриарх западного менеджмента П. Друкер, — не являются постоянными и заданными» [19, с.25]. Более того, они все чаще создаются, чтобы «обойти сложившиеся технологии и социальные институты» и таким путем создать условия для незаконного (или полузаконного) обогащения или получения какого-либо преимущества. Примеров здесь очень много: создание чиновниками схем, позволяющих извлекать из своих мест и функций постоянный доход (так называемое «рентостроительство»), производство с помощью кредитных карточек «виртуальных денег», позволяющее жить не по средствам, изобретение схем отмывания грязных денег или вывода капитала за границу, разработка хакерами технологий взламывания сайтов, кражи информации или обогащения, создание социальных технологий, позволяющих государству уклоняться от контроля со стороны общества и даже манипулировать им. Когда Бауман пишет, что «современные условия делают возможным появление «изобретательного» государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование» [20, с.140], речь идет именно о подобных технологиях.

² Узкой руководящей части элиты адресовался другой месседж, а именно, необходимость окончательного решения еврейского вопроса.

³ «Определение обособляет виктимизированную группу (все определения означают разбиение целого на две части — маркированную и немаркированную) как отличную категорию, и что бы ни применялось к ней, не относится ко всем остальным. Посредством самого определения группа становится объектом особого обращения; то, что верно в отношении «обычных» людей, вовсе не обязательно верно в отношении такой группы. Индивиды-члены группы становятся теперь вдобавок экземплярами определенного вида». «Наибольшей удачей нацисты достигли в обезличивании евреев. Чем больше еврей изгонялся из общественной жизни, тем сильнее он, казалось бы, подходил под стереотипы антиеврейской пропаганды, которая, как это ни странно, становилась тем сильнее, чем меньше евреев оставалось в самой Германии» [21, с.224, 226]

цели: можно и нужно перестраивать общество, силой приводить его в соответствие с общим, научно обоснованным планом» [22, с.113].

Что еще Бауман понимает под социальной инженерией? Две вещи: бюрократию и рационализм¹. Из текста книги можно понять, что бюрократия, по Бауману, — это популяция чиновников, действующая «целерационально» (термин М. Вебера), и что, не менее существенно, сообщество, полностью лишенное моральных и нравственных переживаний, точнее, если даже такие переживания имеют место, то они никак не влияют на действия и решения чиновников-бюрократов. По сути, бюрократ так специализировался в своей профессии, что все его человеческие способности и сознание преобразились в «винтики» и «колесики» социальной машины (института). В этом смысле бюрократия представляет собой социальную технологию, но существующую в форме антропологического материала и конструкции. Да, без людей социальная машина встанет, но, чтобы она эффективно работала, нужны не обычные люди с их переживаниями и экзистенциями, а специалисты — т.е. элементы социальной машины; это и есть бюрократия.

В свою очередь рациональность относится к плану формирования социальной инженерии. Дело в том, что любая технология, ориентированная на образцы инженерии, предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установле-

ние связей и отношений между данными типами, операциями и условиями. При этом речь идет не об отдельных случаях, а о массовых и воспроизводимых (специалистами), поэтому все эмоции, переживания и тому подобные соображения должны быть элиминированы. Логика технической рациональности — это логика машины и индустриального массового производства, логика экономии и качества. В эффективной социальной машине не могут работать конструкции, ведущие себя не как механизмы, а как обычные люди, не свободные от переживаний и нравственных ценностей. Бюрократия исторгает таких людей и, наоборот, культивирует и поддерживает тех, кто ничем не отличается от бездушных винтиков и колесиков бюрократической социальной машины. Сам Бауман рассказывает о бюрократии и рациональности другим языком, но думаю, суть я уловил правильно, хотя, конечно, расширил понимание обоих указанных явлений.

Если двигаться к теоретическому осмыслению холокоста, то стоит задать и такой вопрос, а почему люди, если речь идет о массовом поведении и поступках, ведут себя как бюрократы или послушные жертвы? Заканчивая свое исследование, Бауман говорит о двух основных уроках холокоста. Он пишет, что первый, «урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения... Второй урок говорит нам, что возвышение самосохранения над моральным долгом отнюдь не предрешено, не неминуемо и не неизбежно. Можно принуждать к такому выбору, но нельзя заставить его сделать, и поэтому нельзя переложить ответственность за содеянное на тех, кто оказал давление. Неважно, сколько людей предпочли моральный долг рациональности самосохранения — важно то, что некоторые сделали это. Зло не всемогуще. Ему можно сопротивляться» [23, с.243].

¹ «Холокост впитал в себя огромное количество средств принуждения. Поставив их на службу единственной цели, он также дал им дополнительный стимул к их дальнейшей специализации и техническому совершенству. Однако гораздо важнее было не количество средств разрушения и даже не их техническое качество, а способ их использования. Устрашающая эффективность их использования главным образом зависела от исключительно *бюрократических, технических решений* (благодаря которым их использование приобрело стойкий иммунитет к противодействующему давлению, которому оно могло бы подвергнуться, если бы средства насилия находились под контролем рассредоточенных, разрозненных сил и использовались неорганизованно). Насилие превратилось в методику. Как все методики, оно лишено эмоций и является исключительно *рациональным*» [23, с.121]

Зададимся таким вопросом, что большинство людей слабы или безнравственны и только единицы достойны звания человека, ведь именно так получается у Баумана? Вряд ли с этим можно согласиться. Но в таком случае, вероятно, нужно присмотреться, что собой представляет обычный человек. Бауман правильно отмечает, что социологическое понимание человека неудовлетворительно, оно не может объяснить, почему люди ведут себя асоциально или нравственно, но сопротивляются общим тенденциям и нормам. «После холокоста, — пишет Бауман, — правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы» [24, с.210]¹.

Указывая на то, что нравственное поведение и сопротивление не могут быть объяснены в социологической теории, утверждающей, что поведение человека задается и детерминировано социальными нормами и механизмами, Бауман, тем не менее, не находит понятий для осмысления указанного феномена (вероятно, поэтому он говорит, что основание нравственного поведения «досоциально», внесоциально). В то же время, если бы он знал работы нашего философа Владимира Соломоновича Библиера, то смог бы разрешить эту проблему, развеяв «социального индивида» и «личность». Личность, по Библиеру, это как раз такой индивид, который способен преодолевать социальную и культурную

¹ «Процесс социализации заключается в манипуляции нравственной способностью, а не в ее производстве. А манипулируемая нравственная способность влечет за собой не только определенные принципы, которые позднее становятся пассивным объектом социальной обработки; она включает также способность сопротивляться, уклоняться этой обработке и осиливать ее, так что в конце концов власть и ответственность за нравственный выбор остается все там же: в руках человека» [25, с.212].

обусловленность»². В отличие от личности социальный индивид действует строго в соответствии с нормами социальных структур (социальных институтов, традиций, обычаев).

Материал исследования холокоста заставляет ввести еще одно важное понятие — «контекстного поведения человека». Дело в том, что человек в современной культуре не является самоидентифицируемым, попадая в разные условия, особенно угрожающие жизни и благополучию, он ведет себя как совершенно разные субъекты. И дело здесь не в разных ролевых позициях, а именно в кардинальной трансформации сознания, психики и поведения. Примерно об этом же, обсуждая мультикультурализм, пишет Сейла Бенхабиб³.

² «Сопряжение Простеца и Схоласта (с включением Мастера как медиатора этих полюсов) — пишет В. Библиер, — есть решающее — для идеи личности — несовпадение индивида с самим собой в контексте средневековой культуры. — То несовпадение и та возможность самоотстранения и самоотстранения, что позволяет индивиду этой эпохи вырваться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т.е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью. Здесь необходимое взаимодействие между регулятивной идеей личности (в реальной жизни — средневековой, античной или нововременной — личность всегда только регулятивна и никогда не налична) и актуальным бытием индивида. Нет индивида в нем и идеи личности; нет личностного горизонта в нем и самообособления индивида (вне одиночества)» [26, с.122].

³ «Быть и стать самим собой — значит включить себя в сети обсуждения... Мультикультурализм, — пишет С. Бенхабиб, — слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни... Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна... Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости» [27, с.17, 19, 43, 122].

Итак, вероятно, необходимо различать три горизонта и области существования человека: человек как социальный индивид, как личность и как контекстный субъект. Реальный поступок человека — это *резльтирующая этих трех сил в конкретных ситуациях и в ходе его эволюции*. Иногда перевес на стороне первой силы, иногда — второй, значительно реже — третьей. Рассмотрим подробнее этот третий вариант развития событий.

Л.С. Выготский считал, что развитие человека — это, прежде всего становление и развитие его личности (кстати, об этом говорил и Л.С. Выготский). Но, можно показать, не просто актуализация и усложнение уже существующей личности, а рождение новой личности и, возможно, неоднократное. Рождение понимаемое как экзистенциальный выбор, как создание себя. Но опять же рождение не столько из «ничего», как пишут некоторые современные мыслители, а с помощью других, с опорой на реальность современной жизни, которую необходимо выслушивать, с опорой на высшие силы (их можно понимать по-разному), раскаяваясь в содеянном и прежней жизни, изо всех сил прорываясь к жизни подлинной.

Понятно, что если личность уже сложилась, то можно говорить о ее развитии в старом смысле слова, то есть как усложнении, дифференциации и преобразовании определенного целого. Однако в «точках становления» личности (впервые или в очередной раз), понятие развития меняется. Л.Н. Толстой особенно хорошо понимал значение подобных моментов становления личности. По сути, это главная тема романа «Воскресения». Напомню его сюжет.

Главный герой романа «Воскресение» князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, еще будучи студентом, гостит у своих теток и соблазняет их 16-летнюю полугорничную, полувоспитанницу Катюшу Маслову. Сунув ей в последний день сторублевую бумажку, он уезжает. Катюша узнает, что она беременна, уходит от своих барышень-хозяев, а дальше ее судьба складывается очень печально. Ребенок умирает и после ряда жизненных перипетий, Маслова оказывается в доме терпимости. Семь лет спустя ее судят по подозрению в отравлении купца Смелькова, который весь день

накануне и последнюю ночь перед смертью провел с Масловой в доме терпимости. Нехлюдов с ужасом узнает в подозреваемой соблазненную им девушку. Хотя Маслова была невиновна, но судебная ошибка приводит к тому, что ее осуждают на каторгу. Во время суда и после него в душе Нехлюдова идет борьба, которая заканчивается решением князя изменить свою жизнь и искупить вину перед Катюшей, что Нехлюдов и делает. При этом с ним совершается настоящее духовное перерождение.

(На суде, где Нехлюдов узнает Катюшу. — В.Р.). «Да не может быть», продолжал говорить Нехлюдов, а между тем он уже без всякого сомнения знал, что это была она, та самая девушка, воспитанница-горничная, в которую он одно время был влюблен, именно влюблен, а потом в каком-то безумном чаду соблазнил и бросил о которой потом никогда не вспоминал, потому что воспоминание это было слишком мучительно, слишком явно обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только не порядочно, но прямо подло поступил с этой женщиной»...

«И такая удивительная случайность! Ведь надо же, чтобы это дело пришлось именно на мою сессию, чтобы я, нигде не встречая ее 10 лет, встретил ее здесь, на скамье подсудимых! И чем все это кончится? Поскорей, ах, поскорей бы!»

Он все не покорялся тому чувству раскаяния, которое начинало говорить в нем. Ему представлялось это случайностью, которая пройдет и не нарушит его жизни... А между тем в глубине своей души он уже чувствовал всю жестокость, подлость, низость не только своего поступка, но всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни, и та страшная завеса, которая каким-то чудом все это время, все эти 12 лет скрывала от него и это его преступление и всю его последующую жизнь, уже колебалась, и он урывками уже заглядывал за нее»...

(Раскаяние и духовный переворот). «Как загладить свой грех перед Катюшей? Нельзя же это оставить так. «Нельзя бросить женщину, которую я любил, и удовлетвориться тем, что заплачу деньги адвокату и избавлю ее от каторги, которой она и не заслуживает,

загладить вину деньгами, как я тогда думал, что сделал что должно, дав ей деньги».

И он живо вспомнил минуту, когда он в коридоре, догнав ее, сунул ей деньги и убежал от нее... — Только мерзавец, негодяй мог это сделать! И я, я тот негодяй и тот мерзавец! — вслух заговорил он. — Да неужели в самом деле, — он остановился на ходу, — неужели я в самом деле, неужели я точно негодяй? А то кто же? — ответил он себе...

«Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило, и признаю все и всем скажу правду и сделаю правду, — решительно вслух сказал он себе...

Он молился, просил Бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем то, о чем он просил, уже совершилось. Бог, живший в нем, проснулся в его сознании. Он почувствовал себя им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он чувствовал себя теперь способным сделать»^[28].

Как правило, экзистенциальный поступок завершает собой сложную и часто длительную *эволюцию личности*. Св. Августин в «Исповеди» рассказывает, как он много лет пытался понять, что такое Бог, и только после ряда кардинальных открытий смог пережить открытие божественной реальности. Так, Августин с помощью сведущих в христианстве людей он уяснил, что тексты Священного писания нельзя понимать буквально, иначе, действительно, будут одни противоречия и несуразицы. Он понял, что Библию и Евангелие надо трактовать иносказательно, аллегорически и символически. Августин последовательно переосмысливает идею христианского Бога: сначала он уходит от антропоморфного понимания Творца, затем пытается представить Бога в виде тонкого эфира или пространства, пронизывающего все вещи, все, но и при таком понимании остаются противоречия. Тогда Августин делает решающий шаг, представляя Бога в виде истины и условия творения. В этом случае Бог везде и нигде, он не антропоморфен, обеспечивает правильное понимание мира, природы и человека, как их Творец и истина. И одновременно нарастают мучительное неприятие обычной жизни

и тяга к христианству. Все это и подготовило поступок и переворот сознания Августина.

Я разошелся со своим учителем, Г. Щедровицким и по содержанию и в этическом плане, после почти десяти лет самостоятельной работы, смены проблематики исследования (с естественно-научной на гуманитарную), продумывания своих идеалов, полемики со Щедровицким по поводу подхода и форм работы в Московском методологическом семинаре.

Будучи личностью, человек уже не может действовать как все, по традиции или обычаю, исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Он ищет опоры в самом себе и в мире, которые отвечает его убеждениям. Если же его «Я» и мир перестают отвечать его чаяниям, именно в силу эволюции личности, человек рано или поздно переживает кризис и вынужден менять и то и другое. Необходимое условие такой трансформации и метаморфозы — поступок и творчество. Поступок позволяет расстаться с прошлым, оценить его негативно, сделать шаг в будущее. Но чтобы такие расставание и шаг стали возможными, личность должна обрести новое видение, выйти на новую реальность, ощутить себя по-новому, что обязательно предполагает творчество — построение дискурса, изобретение схемы, диалог и пр. Правда, есть поступок и поступок. Для духовного переворота все же нужно иметь уже достаточно развитое сознание, а также нравственные требования к себе.

Заканчивая анализ замечательной работы Баумана, я хотел бы, чтобы у читателя не сложилось впечатление, что я его критикую. Более глубокого и интересного исследования я давно не встречал. Нет, речь идет о другом: понять, какие проблемы поставил Бауман, нельзя ли указать на границы его подхода, в каком направлении нужно двигаться дальше в плане научного мышления. Например, как можно осмыслить уроки холокоста, учитывая, что государство создало и успешно применяет социальные технологии, позволяющие эффективно манипулировать обществом, или что делать, когда быстро, буквально на наших глазах, меняется социальность и человек? И таких вопросов при чтении книги Баумана возникает очень много, что свидетельствует о важности проведенного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Розин В.М. Особенности дискурса и исследования в гуманитарной науке. М., 2009.
2. Зигмунт Бауман Актуальность холокоста. М., 2010.
3. Там же.
4. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.
5. Розин В.М. Античная культура. Этюды–исследования. М., 2005.
6. Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. М., 2014.
7. Зигмунт Бауман Актуальность холокоста.
8. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Москва*Санкт–Петербург*Киев, 2002.
9. Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М., 1990.
10. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
11. Толстой Л.Н. Воскресенье. Собр. соч. Т. 11. М., 1948.
12. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Проблемы взаимодействия гражданского общества и государства в современной России // Юридические исследования. – 2013. – 4. – С. 1–55. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.4.585. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_585.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Rozin V.M. Osobennosti diskursa i issledovaniya v gumanitarnoi nauke. M., 2009.
2. Zigmunt Bauman Aktual'nost' kholokosta. M., 2010.
3. Tam zhe.
4. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu. Skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. M., 2011.
5. Rozin V.M. Antichnaya kul'tura. Etyudy–issledovaniya. M., 2005.
6. Rozin V.M. Myshlenie: sushchnost' i razvitie. M., 2014.
7. Zigmunt Bauman Aktual'nost' kholokosta.
8. Druker P. F. Zadachi menedzhmenta v XXI veke. Moskva*Sankt–Peterburg*Kiev, 2002.
9. Bibler V.S. Obraz prostetsa i ideya lichnosti v kul'ture srednikh vekov // Chelovek i kul'tura. M., 1990.
10. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyuy eru. M., 2003.
11. Tolstoi L.N. Voskresen'e. Sobr. soch. T. 11. M., 1948.
12. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Problemy vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v sovremennoi Rossii // Yuridicheskie issledovaniya. – 2013. – 4. – С. 1–55. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.4.585. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_585.html